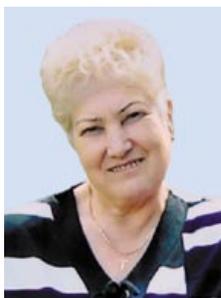

В поисках черного золота

Где прячется белорусская нефть

5 октября 2021 года произошло знаковое событие. «Белоруснефть» отапортовала: с начала добычи из отечественных недр извлечено 140 млн тонн черного золота. Цифра внушительная, но если учесть, что нефть из земли качают более полувека, представляется, что она могла бы быть значительно весомей. Ведь в середине 1970-х добывали почти 8 млн тонн в год. Почему так скачут цифры? Есть ли смысл продолжать поиски нефти в Беларуси? Что нового появилось в технологиях разведки природных углеводородов за последнее время? «Беларуская думка» обратилась с этими вопросами к специалисту.

Нила Сусленко почти полвека ищет нефть в белорусских недрах

Нила Андреевна Сусленко – главный геолог филиала «Мозырская нефтеразведочная экспедиция глубокого бурения» РУП «НПЦ по геологии». Когда мы поинтересовались у геологов, кто может рассказать об истории белорусской нефтедобычи от первого лица, нам сразу назвали Нилу Андреевну. Шутка ли, человек занимается поисками полезных ископаемых с 1973 года.

Наша собеседница родилась и выросла в Украине. Окончила Ивано-Франковский институт нефти и газа. Сегодня это Ивано-Франковский национальный технический университет нефти и газа, в котором обучается более 10 тыс. студентов из разных стран.

Первый миллион тонн черного золота на территории Беларуси добыли в 1967 году. Стомиллионную тонну выкачали осенью 1998 года.

Выбор специальности Нила Сусленко объясняет просто. Недалеко от дома работала Житомирская геологоразведочная экспедиция, в которой только геологов было около тысячи. Поэтому вокруг все постоянно говорили о полезных ископаемых и геологии, которая казалась девушке очень интересной наукой. Потом был геологоразведочный факультет, практика в

Коллаж Ольга Курильчик

Мозырской нефтеразведочной экспедиции и распределение в Беларусь. Сейчас Нила Андреевна на пенсии, но продолжает работать.

При слове «экспедиция» возникают ассоциации с бородатыми мужчинами, которые по несколько месяцев не вылезают из глухих мест, мерзнут, а по вечерам поют у костра песни под гитару, но этот образ вызывает у Нилы Сусленко улыбку.

– Так было раньше, особенно в рудной геологии, в Сибири. Люди уезжали в экспедицию на полгода, как говорится – на лето. Перед геологами ставились определенные задачи, над которыми они работали в полевых условиях в теплое время года, а зимой писали отчеты о проделанной работе. В нефтяной геологии такого нет.

Нила Сусленко тоже начинала «в поле» – техником-геологом на буровой. В нашей стране нефтяные буровые расположены в основном в Гомельской и частично – в Могилевской и Минской областях. Там, где находится легендарный Припятский прогиб, и ведутся основные поиски углеводородов. Буровики (бурильщики и помбуры) работают вахтовым методом – четыре дня на вахте, четыре – дома. Геологи выезжают с ними на сопроводительные работы. Их присутствие на буровой почти всегда обязательно. Специалисты участвуют в поднятии керна, проводят каротажи (спуски в скважину геофизического зонда) и другие испытания. Именно этим и занимается Нила Сусленко на протяжении почти полувека.

«Забытые» скважины

Немного истории. Наличие нефти в Полесье еще до Второй мировой войны обосновали несколько ученых. Среди них академик Герасим Богомолов, геолог Михаил Громыко и горный инженер Александр Розин. Все признаки указывали на то, что Припятский прогиб – подходящее место для поиска месторождений. Но одно дело – научные гипотезы, и совсем другое – промышленные объемы добычи.

Считается, что лишь в 1964 году на скважинах Р-6 и Р-8 удалось получить притоки в 600 и 126 тонн в сутки соответственно. Месторождение, где их пробурили, называли Речицким. Вскоре началась его промышленная эксплуатация, а в 1966 году было образовано предприятие «Белоруснефть».

«Полностью выработанных месторождений в нашей стране нет. Все они действующие, начиная с тех, которые были открыты еще в 1960-е годы».

Первый миллион тонн черного золота на территории современной Беларуси добыли в 1967 году. Стомиллионная тонна выкачана осенью 1998 года. В октябре 2021 года получили 140 млн тонн. Но это «официальная» история.

Нила Сусленко рассказывает, что нефть в Беларуси добывали и до 1964 года. В 1953–1954 годах в Гомельской

5 октября 2021 года белорусские нефтяники добыли 140-миллионную тонну нефти

Речицкая нефтеразведочная
экспедиция глубокого бурения.
Разведчики Давыдовской площади
Н. Шаповалов, И. Летячо,
Д. Савченко, А. Дуняшин,
С. Климовец. 1967 год

области пробурили скважину «Ельская-2». Она расположена недалеко от города Ельска, в честь которого и названа. Там получили довольно хороший фонтанный приток нефти, примерно 20 кубов в сутки. Но столкнулись с проблемой – нефть оказалась высокосернистой. Настолько, что буровики теряли сознание и работы приходилось проводить в средствах индивидуальной защиты. Поэтому от дальнейшей добычи отказались, скважину законсервировали, и она до последнего времени не разрабатывалась.

Разведкой нефтяных месторождений занимаются «Белоруснефть» и филиал «Мозырская нефтеразведочная экспедиция глубокого бурения» НПЦ по геологии.

Пример «Ельской-2» не единичный. На юге страны есть и другие законсервированные объекты. С середины прошлого века до 1986 года в регионах, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, проводились геологоразведочные работы, хотя нефть там никогда и не добывали. Десятилетиями и разработанные, и перспективные скважины на юге Беларуси стояли законсервированными. Сейчас все они, вместе с «Ельской-2», переданы на баланс «Белоруснефти» – для восстановления и проведения повторных геологоразведочных работ.

Понятно, что методы, которые использовались в 1950-х годах, устарели. Теперь геологи готовятся

применить ряд новых разработок. В частности, сейсмо-разведку 3D, позволяющую с помощью искусственно создаваемых в земной коре волн получать объемную картину подземных кладовых. А вот со спутника, отмечает Нила Сусленко, нефть не обнаружишь, это «все равно, что лечить человека по фотографии». Нужны полевые исследования на земле. Активный поиск ведется в Ельском и Лельчицком районах, на очереди – Наровлянский.

К началу 2021 года в Беларуси открыли около 90 месторождений нефти, все в зоне Припятского прогиба. Разрабатываются 64 из них. Больше всего разведанных нефтяных запасов приходится на пять месторождений: Речицкое, Осташковичское, Вишанское, Южно-Осташковичское и Южно-Сосновское.

По итогам этого года планируется выйти на 1 млн 730 тыс. тонн добытой нефти. И это при рекордных почти 8 млн в 1975 году! Неужели в Беларуси выкачали почти всю существующую нефть и мы теперь «выбираем» остатки?

«Беларусь добывает ежегодно более 1 млн 700 тыс. тонн, а геологоразведка „восстанавливает“ запасы».

Нила Сусленко успокаивает:

– Полностью выработанных месторождений в нашей стране нет. Все они действующие, начиная с тех, которые были открыты еще в 60-е годы прошлого века. Все приносят нефть.

Оказывается, пока не существует технологий, которые позволили бы полностью выкачать запасы из нефтеносного пласта. Дело в том, что месторождение имеет пористую структуру. Задача нефтяников – заставить землю отдать как можно больше черного золота. По мере совершенствования технологий растет и процент добываемого сырья. К примеру, на Речицком месторождении в 1960-е добывали 20–30 % нефти, сейчас НДГУ «Речицанефть» доводит добычу до 50 %. Но и эта цифра даже близко не подходит к 100 %: нефть не напиток в жестяной банке, который можно выпить через соломинку, и емкость опустеет.

В Беларуси более 90 месторождений нефти, 64 из них разрабатываются – все они в зоне Припятского прогиба.

– Поры и каверны, из которых добыта нефть, заполняются пластовой водой – пустыми они не остаются. Нефть там изначально находится под давлением. После начала добычи давление падает. Чтобы из пласта поступала нефть, нужно его поддерживать. Для этого через специальные (нагнетательные) скважины подкачивают пластовую воду. Периодически добыча приостанавливается и нефть «поджимают», заполняя пустоты. Сегодня в закачиваемую воду добавляют различные реагенты, что позволяет увеличить нефтедобычу, – просвещает нас Нила Андреевна.

Кроме того, за последние полвека далеко вперед шагнули и методы бурения.

ИНТЕРЕСНО ЗНАТЬ

Почему нефть – черное золото?

Этот перифраз возник много столетий назад. Черным золотом для человечества в разное время были кофе, темный ценный мех, уголь. Но, как метко заметил экономист Дэниел Ергин, «в XX веке нефть совместно с природным газом свергла с престола „Его Величество Уголь“ в качестве источника энергии для индустриального мира».

Кроме того, золотом человек привык именовать все, что высоко ценится и трудно добыть. А ведь поиском, добычей и транспортировкой нефти занято множество людей, в этом бизнесе крутятся огромные деньги, из-за углеводородов развязывают войны. Для десятков стран нефть – основной источник пополнения бюджета.

И золото, и нефть – полезные ископаемые, запасы которых ограничены. Алхимики так и не открыли секрет превращения любых металлов в благородный, а современные ученые пока не очень успешно ищут замену нефти.

– Если раньше использовали только вертикальные скважины, то теперь их отклоняют и бурят практически по пласту, почти горизонтально. Таким образом можно серьезно увеличить добычу. В 1970-е годы об этом никто даже не мечтал, – говорит специалист.

Кстати, новые месторождения можно найти даже там, где уже ведется разработка.

– Как считают геологи, золото ищут возле золота, а нефть – возле нефти. Около крупных месторождений

Для поиска нефти все чаще используют 3D-сейсморазведку

мы постоянно находим новые, с меньшими запасами, – рассказывает Нила Сусленко.

Собеседница приводит интересный факт:

– Когда я приехала в Беларусь в 1973 году, все вокруг утверждали: мол, нефти осталось на 30 лет. Спустя полвека говорят то же самое... А Беларусь добывает ежегодно более 1 млн 700 тыс. тонн, и геологоразведка «восстанавливает» запасы – находятся новые залежи нефти, совершенствуются способы добычи.

Разведкой новых месторождений в Беларуси занимаются «Белоруснефть» и Мозырская нефтеразведочная экспедиция глубокого бурения (структурное подразделение РУП «НПЦ по геологии»).

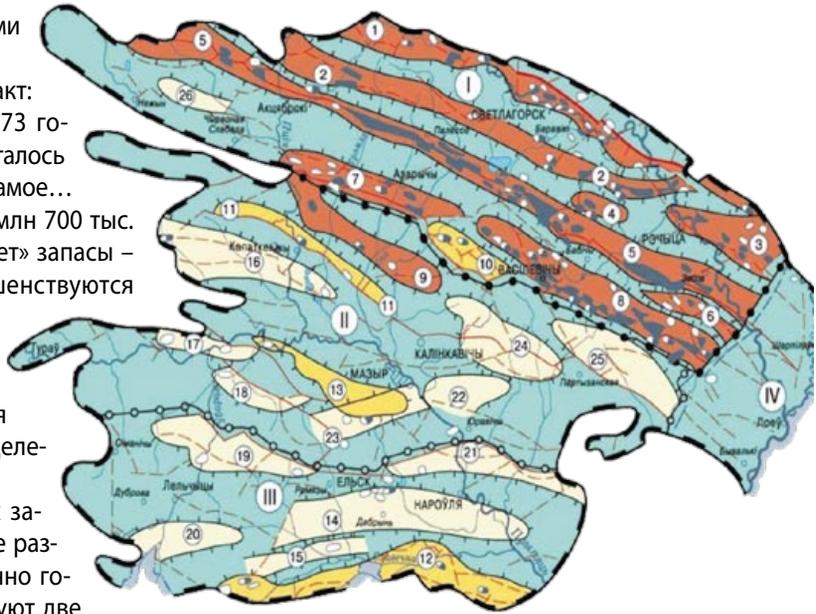
Когда речь заходит об исчерпанных запасах нефти, сразу вспоминается так и не разрешенный спор ученых – а как, собственно говоря, возникло черное золото? Существуют две гипотезы: биогенная и неорганическая. Сторонники первой утверждают, что нефть – продукт преобразования в земной коре органики, а именно водорослей и зоопланктона. В свою очередь неорганическая теория (ее, кстати, поддерживал известный химик Д.И. Менделеев) подразумевает, что углеводороды образуются в мантии в процессе синтеза на больших глубинах благодаря давлению и высоким температурам.

– Как практик я склоняюсь к неорганической теории происхождения нефти, – улыбается Нила Сусленко. – Сколько уже добыто нефти и сколько ее должно было образоваться к этому времени?! Гигантские объемы. Сложно поверить в то, что нефть – это продукт переработки животной или растительной материи.

Нефть играет с нами в прятки?

Вернемся к истории. В 50-70-е годы прошлого века огромному СССР жизненно требовалась нефть. Экономике не хватало разведанных месторождений в Азербайджане, в нынешних Татарстане и Башкортостане. Поэтому в стране начались отчаянные поиски новых. В первую очередь в Западной Сибири, которая сегодня один из основных нефтеносных регионов России.

Геологи отправлялись в безлюдную тайгу, сплавлялись по рекам, доступным для навигации только в весенне-летний период, страдали от тяжелых погодных условий. Парадокс Западной Сибири в том, что нефть там, как и в Припятском прогибе, по всем раскладкам должна была быть, но ее в больших объемах никто

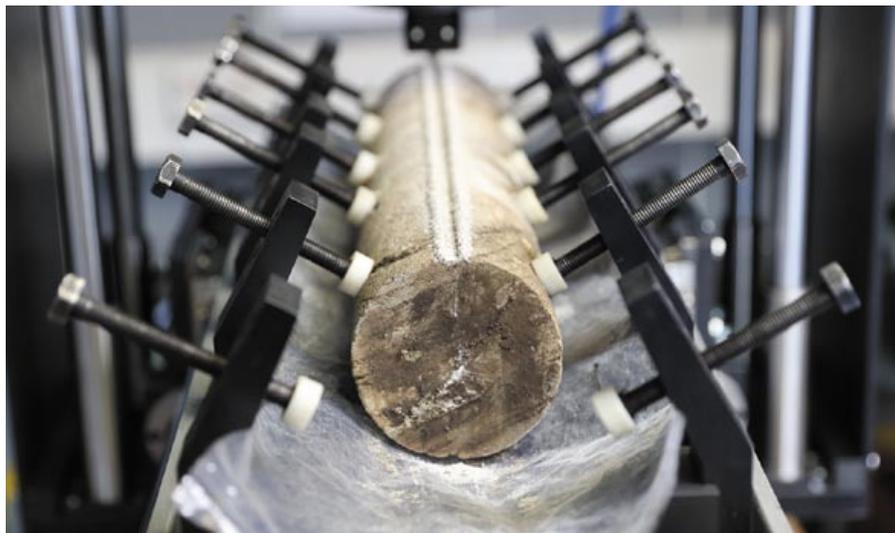
Нефть пока что добывают только в северной зоне Припятского прогиба. По словам П. Повжика, заместителя гендиректора по геологии ПО «Белоруснефть», разведанные запасы нефти в Беларуси составляют 43,9 млн тонн

никогда не получал. Мало того, при оценке нефтяного потенциала Сибири находилось немало скептиков как среди ученых, так и среди руководства страны. Поэтому буровики иногда работали на свой страх и риск. Именно так была добыта первая промышленная нефть в сибирском Шаиме в 1960 году.

Нефтеразведчики тогда трудились с одержимостью первопроходцев. Конечно, их успехи щедро поощрялись наградами, премиями и должностями, но всеобщего энтузиазма это не отменяло. В стране царил нефтяная эйфория.

На этом фоне ситуация с белорусской нефтью сначала тоже выглядела достаточно радужно. Академик Герасим Богомолов, благодаря работам которого нашли нефть, в 1972 году стал лауреатом Государственной премии БССР «за открытие и разведку крупных нефтяных месторождений Припятской нефтегазоносной области». Ровно через три года в Беларуси добыли почти 8 млн тонн черного золота. Легендарная цифра! А потом выяснилось, что белорусской нефти не так уж и много. Добыча начала стремительно снижаться, и в 1978 году почти 40 % специалистов «Белоруснефти» работали над разработкой месторождений... в Западной Сибири. Тогда это было нормальным явлением – страна-то общая.

Идет процесс определения предельной прочности керна – образца породы, извлеченного геологами из глубин. Именно его пристально изучают разведчики недр

В самой Беларуси объем добываемой нефти в 1980 году упал ниже отметки в 2,5 млн тонн. С 1983 по 2017 год количество полученного из недр черного золота колебалось в пределах от 2 до 1,645 млн тонн.

Неужели академик Богомолов ошибся?

– Никаких ошибок в расчетах, проведенных в 1970-е годы и ранее, не было, – утверждает Нила Сусленко. – Сегодня они подтверждаются. Первыми были открыты крупные месторождения, и ошибка, скорее, в том, что сырье тогда добывали чересчур интенсивно. Ведь мы находимся в центре Европы, – дешевле и быстрее экспортировать нефть из Беларуси, нежели из Западной Сибири.

«Когда нефть найдена, ликование неопишное и гордость за коллег и за себя, за наше общее дело».

Плюс в самом начале 1990-х годов уменьшились суммы, выделяемые на поиск новых залежей. Заработал простой закон экономики – чем меньше средств вкладывается в геологоразведку, тем меньше новых месторождений.

– Геологи считают, что геологоразведка – это инвестиции в будущее. Если не выделять на нее деньги, то в перспективе можно прийти к тому, что государству придется все сырье покупать в других странах, – констатирует наша героиня.

К счастью, в последние десятилетия ситуация изменилась в лучшую сторону.

Вопрос о трудноизвлекаемой нефти, то есть отличающейся неблагоприятными условиями залегания и физическими свойствами, Нила Сусленко отмечает сразу:

– В любом случае это нефть и ее лучше всего искать и добывать в Беларуси. Даже если у нас малодебитные скважины. Ведь иностранная нефть покупается за валюту, а где взять столько валюты, чтобы купить сырье? Сколько нужно надоить молока, вырастить мяса, потом его продать за валюту, чтобы купить углеводороды? Поэтому любая, какая бы она ни была, белорусская нефть – хорошая, потому что своя. Найти ее дорогого стоит.

Наша собеседница считает, что такая небольшая страна, как Беларусь, добывает достаточно много черного золота. С другой стороны, разведку и добычу нужно постоянно наращивать. Ведь у нас два нефтеперерабатывающих завода, и необходимо обеспечивать их работу.

Для этого геологоразведчики и закладывают все новые и новые скважины. Интересуемся, что это значит? Показать пальцем, где ставить буровую установку? Нила Сусленко улыбается: закладка скважины – длительный процесс, и главный в нем геолог.

Такая работа включает несколько этапов. На первом выделяют перспективные зоны, бурят так называемые параметрические скважины, извлекают большие объемы керна (образцов пород). Затем проводят сейсморазведочные работы в режиме 2D или 3D, чтобы найти структуры, в которых может быть черное золото. По результатам разведки пишется отчет и составляется специальный паспорт. Эти документы рассматривают

на заседании секции геологии нефти и газа. Процесс длительный... И только затем коллегиально геологи и геофизики принимают решение: «именно вот на этой структуре, в самых оптимальных условиях, нужно пробурить скважину». Такое решение должно быть единогласным.

Цель, озвученная Президентом на встрече с руководителем «Белоруснефти» в сентябре 2021 года, – довести уровень добычи до 3–3,5 млн тонн сырья в год.

Почему так сложно? Бурение обходится в круглую сумму, которая зависит и от глубины, и от твердости породы. Кроме того, часто вместо нефти или газа может оказаться пластовая вода.

– Геолог всегда расстраивается из-за таких «находок»... Структура хорошая, коллекторы есть, а вместо нефти – вода. Так, к сожалению, бывает. Согласно мировой статистике на 10 пробуренных скважин только две-три нефтяные. Хотя даже такое соотношение очень выгодно. Чем больше буришь – тем больше находишь, – утверждает Нила Андреевна.

По ее словам, в конце 1990-х годов тогдашний генеральный директор «Белгеологии» (ныне НПЦ по геологии) Александр Шуравин, опираясь на анализ стоимости геологоразведочных работ по поиску всех полезных ископаемых (не только нефти), сделал вывод: каждый вложенный в геологоразведку рубль приносит

10 рублей прибыли. Вряд ли это соотношение с тех пор сильно изменилось. Хотя современные работы идут на более глубоководных участках.

Глубина бурения может быть разной. На юге Беларуси более сложное строение грунта, там бурить тяжелее, но тем не менее Южно-Валавские и Валавские скважины доходят до уровня в 5 тыс. метров.

– В Припятском прогибе есть скважины и до 6 тыс. метров, – рассказывает Нила Сусленко. – Хотя можно найти коллекторы с нефтью на глубине 3 тыс. метров. Обычно на таких месторождениях дополнительно бурят на более погруженные горизонты. Это затратнее, но можно обнаружить другие залежи на том же месторождении, где уже ведется добыча. Такие многослойные месторождения обнаруживаются на уровнях до 6 тыс. метров.

Как пример геолог называет скважину «Шумячичская-1» в Октябрьском районе на Гомельщине. Основной нефтяной горизонт там расположен на уровне 4,2 тыс. метров, но до 5,1 тыс. метров «сохраняются следы нефтепроявления». И во всем этом «пространстве» добывают нефть.

– В мире нет геологоразведки, которая бы оказалась нерентабельной и невыгодной, – настаивает Нила Сусленко.

Она подчеркивает, что постоянно меняются подходы к поискам, техническая база геологов. Нарбатывается опыт, накапливается геологическая информация, проводится переоценка имеющихся материалов.

Белорусская нефть имеет разные оттенки – от светлого до темного, что совсем не умаляет ее ценности

– Раньше считалось, что нефть нужно искать только в песчаниках. Сегодня в Беларуси разведку углеводородов ведут в терригенных и карбонатных породах, ищем также в ангидритах, – отмечает героиня.

Она вспоминает: раньше у нас работали геологи со всего СССР. Ведь по всему Союзу были специализированные институты нефти и газа. Молодые специалисты приезжали из Московского, Грозненского, Бакинского, Ивано-Франковского, Пермского институтов. Сейчас среди геологов в основном выпускники Белорусского государственного и Гомельского государственного университетов. Да еще «Белоруснефть» целенаправленно обучает за свой счет группы геологов и буровиков в российских вузах.

Что касается технической стороны поисков, нефте-разведчики используют как современную аппаратуру для сейсморазведки 3D, так и традиционные геологические инструменты: увеличительное стекло, через которое рассматривают образцы, кислоту для определения состава и геологический молоток. Последним разбивают породу, чтобы изучить ее изнутри – сообщаются ли между собой поры и каверны, есть ли в них нефть.

– Геологи иногда и нюхают образцы, и языком лижут, чтобы понять, с чем они столкнулись, – удивляет нас Нила Андреевна. – Нефть, конечно, языком не обнаружить, но иногда такой метод помогает определить породу в керне и описать ее. А если нефть есть, то ее не надо ни лизать, ни в лупу рассматривать – она сразу видна.

«Чем больше буришь – тем больше находишь».

Интересуюсь, какого же все-таки цвета отечественное черное золото.

– В Беларуси нефть разных оттенков – желтая, темно-коричневая, светло-коричневая, черная. Цвет на качество никак не влияет. Основное отличие в том, что есть вязкие нефти, а есть легкие, хотя все они ценны, – уверяет Нила Сусленко. Она также считает, что наличие или отсутствие в недрах нефти в большей степени вопрос везения.

– Нужно учитывать геологическое строение земли, – говорит наша собеседница. – К примеру, мы ищем нефть в Припятском прогибе. А украинцы довольно успешно занимаются поиском в Черниговской области, в Днепровско-Донецкой впадине. В Житомирской области, которая граничит с Беларусью, тоже много полезных ископаемых. Там расположен так называемый Украинский кристаллический щит, где залегают рудные и нерудные полезные ископаемые: бериллы,

МНЕНИЕ

Анатолий МАХНАЧ,
академик Национальной
академии наук Беларуси,
доктор геолого-минералогических
наук, профессор:

– Нефть на древних платформах находят, как правило, там, где глубина залегания кристаллического фундамента значительна.

На территории нашей страны три таких бассейна: Оршанская впадина на северо-востоке, Подляско-Брестская впадина на юго-западе и Припятский прогиб на юго-востоке. Первые две по целому ряду данных малоперспективны, а скорее бесперспективны в отношении нефти. В Припятском прогибе, где глубина залегания кристаллического фундамента достигает 6 км, сосредоточены все нефтяные месторождения Беларуси. Но в какой именно части искать новые залежи?

Практически все известные месторождения находятся на севере бассейна. Но интересно, что первая (непромышленная) нефть получена в южной зоне в районе Ельска в 1953 году. Потребовалось еще 11 лет, чтобы открыть промышленную нефть Речицкого месторождения на севере прогиба. Вскоре заработали Осташковичское, Тишковское, Вишанское, Давыдовское и некоторые другие месторождения, которые в основном и обеспечили рекордную добычу в Беларуси в 1974–1975 годах (примерно 8 млн тонн). Открываемые впоследствии залежи нефти были менее крупными, но геологи продолжали поиски в северной части прогиба.

Южная зона изучена несравненно хуже. Я уже не говорю о центральной – здесь так называемые межсоловые отложения представлены глинистыми породами, извлекать из которых нефть сложно и дорого.

В северной зоне продолжаются работы, открываются новые залежи. Но они небольшие и существенного прироста добычи здесь ожидать трудно. Поэтому надо пытаться осваивать южную часть Припятского прогиба. Необходимы широкомасштабные геофизические работы, глубокое бурение с тщательной обработкой полученного кернового материала, опробованием скважин на приток флюидов и прочими процедурами, принятыми в нефте-разведке.

топазы, нефть – просто земная кладовая. Можно сказать, что украинцам повезло. Как и Саудовской Аравии, Азербайджану, России с Сибирью.

Между тем, согласно расчетам специалистов, нефть в Беларуси может быть не только в Гомельской области.

Потенциальные залежи могут находиться также в Брестской и Могилевской областях, по линии Гомель – Лоев – Могилев – граница России. Пока что там проводятся гравитационная и магниторазведка, нефть здесь никто и никогда не добывал... Но вспомните Западную Сибирь, где тоже изначально все было не так однозначно, как сейчас.

Кроме того, не стоит забывать о так называемой сланцевой нефти. В отдаленном будущем, возможно, будут добывать и ее.

– Добыча такой нефти очень затратна. Технологий для ее извлечения у нас пока нет, и подобные месторождения не разрабатываются, – констатирует специалист. – В России сланцевую нефть в промышленных объемах тоже не добывают, ведутся лишь отдельные работы. Наибольшее распространение ее добыча получила в США и Канаде.

Нефть не всегда находят в результате целенаправленного поиска. Нила Сусленко рассказала нам об одном «показательном» случае. Геологи бурили для «Беларуськалия» скважину в Петриковском районе – искали породы-коллекторы, в которые можно закачивать избыточные рассолы. И случайно обнаружили промышленные объемы нефти. Бывает и так...

Вот уж не ожидали: в Мозырской нефтеразведочной экспедиции немало женщин-геологов. А как же дети, семья?

– «В поле» по несколько дней, а иногда и недель работают женщины, у которых дети выросли, – улыбается Нила Андреевна. – У кого они еще маленькие, те занимаются обработкой материалов в отделах. Нужно любить свое дело. Если работа не нравится, будет тяжело в любой профессии. Я всю жизнь болела за геологию, поэтому не могу сказать, что мне тяжело. Наверное поэтому еще немного задержалась... Это сложные чувства. Скважины ведь закладывают именно геологи – ни экономисты, ни буровики, ни ученые. И ты уже прирастаешь к этому всему, ждешь с непередаваемым волнением результата...

И когда он есть, нефть найдена – ликование неопишное и гордость за коллег и за себя, за наше общее дело!

Лицо нефтью на радостях при этом, как можно видеть на старых фото, никто не мажет. Нет такого у современных нефтяников. «Но вымажешься, пока собираешь пробы...» – смеется наша собеседница.

А можно ли больше?

Белорусские геологи солидарны в том, что рост добычи напрямую связан с поиском новых месторождений. Чем больше средств и усилий вкладывает страна в разведку углеводородов, тем выше экономическая отдача. С другой стороны, новые технологии позволяют более эффективно проводить поисковые работы и добывать нефть там, где раньше не получилось. Например, в районе Ельска, а это юг Припятского прогиба, где черное золото пока что не извлекается из недр.

В январе–сентябре 2021 года специалисты «Белоруснефти» смонтировали 35 буровых установок.

Цель, озвученная Президентом на встрече с руководителем «Белоруснефти» в сентябре 2021 года, – довести уровень добычи до 3–3,5 млн тонн сырья в год. Почти двукратное увеличение! «Это решение проблемы для страны, – подчеркнул Александр Лукашенко. – Мы забудем о всякой зависимости».

Опрошенные нами эксперты сошлись во мнении, что наиболее перспективны поиски черного золота в южной части Припятского прогиба. Неслучайно на этом акцентировал внимание глава государства: «Нутром чую, что там у нас нефть есть, которую мы еще не видим». Ключевые слова в этой фразе – «еще не видим». Дело за тем, чтобы увидеть – разведать и добыть.

Алексей ГОРБУНОВ